

Повелительница страсти

Автор:

[Дэни Вейд](#)

Повелительница страсти

Дэни Вейд

Соблазн – Harlequin #250

Мейсон Харрингтон влюбляется в дочь богатого коннозаводчика, в конюшнях которого он работает, девушка отвечает ему взаимностью, но ее деспотичный отец с позором выгоняет дерзкого юнца, посчитав, что тот недостаточно хорош для его принцессы. Спустя годы разбогатевший Мейсон выкупает поместье разорившихся Хайяттов в надежде отомстить бывшей возлюбленной и ее отцу. Однако при встрече с Эвой-Мари он понимает, что его чувства к ней еще не остыли, и предлагает ей остаться в поместье в качестве домработницы...

Дэни Вейд

Повелительница страсти

Dani Wade

Reining in the Billionaire

Reining in the Billionaire

© 2017 by Katherine Worsham

«Повелительница страсти»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Новость о том, что поместье Хайятт можно купить хоть сейчас, была, возможно, самой лучшей в жизни Мейсона Харрингтона. Многие ли могут похвастаться тем, что достигли своих жизненных целей – завладеть крупной конюшней и осуществить давно вынашиваемую месть – и все это в результате одной, неожиданно легкой сделки?

– Выкуп был только что одобрен, и все бумаги оформлены через наш офис, – проговорил пожилой управляющий местным отделением банка, не отрывая глаз от полированной глади рабочего стола. Он был чрезвычайно взволнован и раздосадован. – Семью еще не оповестили. Просто не было времени.

– Буду счастлив взять эту часть работы на себя, – самодовольно произнес Мейсон и тут же ощутил резкий толчок в бок.

Кейн весьма чувствительно намекнул ему, что не стоит зарываться и дерзить. Мейсон слегка отодвинулся, чтобы оказаться вне досягаемости от острого локтя брата, но азарт охотника, настигающего добычу, не покинул его. Кейн также сильно ненавидел Долтона Хайятта – человека, разрушившего репутацию их отца, – но именно Мейсон оказался в эпицентре этого ядерного взрыва.

Он никогда не забудет довольного лица Долтона при виде его унижения... и своей боли оттого, что Эва-Мари смотрела на это и даже не пыталась защитить его. Эти воспоминания сделали его злым и язвительным.

– Должен заметить, что выкуп прошел против моего желания. Я надеялся помочь Эве-Мари все исправить, – произнес управляющий с обидой в голосе.

– Почему Эве-Мари? – спросил Кейн. – Разве не Долтон Хайятт нуждался в помощи?

Управляющий взглянул на братьев через стол и нехотя ответил:

– Мне очень жаль. Я высказался не к месту. Я не хотел обсуждать личные дела моих клиентов. – Он опустил взгляд на лежащую перед ним бумагу – уведомление об изъятии собственности, которое Мейсон нашел на местном сайте. Банк не терял времени, пытаясь отыграть свои потери. – Но я просто чувствую себя неудобно.

– Сейчас это не имеет значения. Банк уже выставил поместье Хайятт на торги, – заметил Мейсон. – Заметьте, мы предлагаем больше, чем запрашиваемая цена, платим наличными. Нам нужно самим связаться с кем-то в офисе корпорации?

Несомненно, там с удовольствием примут деньги Харрингтонов.

Бросив взгляд на управляющего, Мейсон мог бы сказать, что тот не хотел, чтобы это случилось. Но Мейсон сделает это, так как должен...

– Мы можем перечислить деньги после полудня, – добавил Кейн. – Наше предложение этой цены действует только в течение часа. Мы договорились?

Мейсон напрягся, не желая уходить, но его брат точно знал, что делает. Все-таки мысль о возможной неудаче не давала ему покоя. Судя по словам управляющего, тот явно пытался отстоять интересы семьи Хайятт и не желал, чтобы сделка по продаже поместья состоялась. Но Мейсону было наплевать на Хайяттов, он заботился только о том, чтобы заставить их платить за то, что они сделали с ним и его семьей много лет назад.

Мейсон представил, какое лицо будет у Эвы-Мари, когда он прикажет ей покинуть семейный особняк.

Управляющий нехотя кивнул:

– Да. Я думаю, что сейчас уже ничего не поделаешь. – Он встал, поправил галстук, как бы настраивая себя на неприятную миссию. – Позвольте мне отлучиться на минуту, я дам поручение секретарю начать подготовку документов по сделке.

Мейсон предполагал, что, выйдя из переговорной, управляющий позвонит в головной офис, чтобы в последний раз попытаться отменить сделку, но его это не тревожило: он знал, что наверху уже приняли решение. Братья Харрингтон обычно получали то, что хотели. Иногда – из чистого упрямства. На этот раз, правда, у них была поддержка в виде наследства.

Действительно, деньги открывали все двери.

Мейсон все еще горевал по отцу, умершему почти шесть месяцев назад. У него было всего три близких человека. Поэтому болезнь отца стала для него ударом. Но уход отца не был первым потрясением в его жизни.

Мать умерла, когда Мейсону было семь. У него сохранилось мало воспоминаний о ней, он помнил лишь, как она обнимала его, аромат ее духов и шелковистую мягкость волос. Он расчесывал их, когда она заболела, – это успокаивало ее и облегчало головную боль, от которой она сильно страдала...

Тот факт, что их мать была родом из очень богатой семьи, не был тайной для братьев, но они никогда не думали, что она оставила им что-то в наследство. Как оказалось, мать завещала им очень крупную сумму. Осторожность их отца в управлении финансами дала результаты: наследство матери превратилось в колоссальное состояние. Мейсон даже не знал, сколько оно составляет в долларовом выражении, настолько сумма была огромной.

А ведь временами они были на мели. Когда Мейсон потерял работу в поместье Хайятт, им пришлось вернуться в родной город матери и перебиваться случайными заработками. Было тяжело. Но они с Кейном знали, что отец обеспечит их будущее.

И теперь это будущее настало.

Узнав о причитающемся им с братом наследстве, Мейсон спросил отца, почему тот не использовал часть денег, чтобы облегчить их жизнь. Отец ответил, что

хотел доказать родителям жены, что они не правы: они всегда говорили, что он женился на их дочери ради денег.

Братья всегда росли рядом с лошадьми. Отец был тренером по конному спорту с отличной репутацией, его лошади нередко становились победителями дерби. Он обучил своих сыновей всему, что знал сам. Они многому научились, пока работали в одной из лучших конюшен в штате, кроме того, они владели фермой, на которой разводили собственных лошадей и скот. Теперь, наконец, у них был капитал на покупку и развитие собственных конюшен для подготовки скаковых лошадей и... возможность вернуться и отомстить семье Хайятт.

– Меня беспокоит твой агрессивный настрой, – сказал Кейн, пристально глядя на брата.

Взгляд Мейсона был устремлен за окно. Его манил простор, переговорная банка была для него слишком тесной.

– Я не могу поверить, что это наконец случилось.

– Ты ведь знаешь, отец не хотел, чтобы мы возвращались в усадьбу Хайятт, – произнес Кейн. – Из-за того, что случилось пятнадцать лет назад, – напомнил он.

Возможно, пятнадцать лет – это долго, но обида Мейсона до сих пор не прошла и гнев не стих, будто это было вчера. Кейн думал, что это подростковое увлечение, но Мейсон знал, что любил Эву-Мари. В противном случае ему не было бы до сих пор чертовски больно.

– Да, я знаю.

Мейсон научился жить с этим, но из-за произошедшего с Эвой-Мари и ее деспотичным отцом душа его почернела.

– Ты передумал? – спросил он Кейна.

Брат помолчал, обдумывая ответ. Мейсон восхищался этим качеством Кейна, ему этого не доставало. Мейсон сначала делал, а потом беспокоился о последствиях. Но, работая в команде, они, как правило, дополняли друг друга.

– Нет. Мы сделаем это. Но я хотел бы тебя предупредить...

Мейсон застонал.

– Разве мы не староваты для того, чтобы ты опять поучал меня как старший брат?

– Я навсегда останусь твоим старшим братом, но сейчас не об этом. – Кейн смерил Мейсона взглядом. – Нужно иметь в виду, что в семье Хайятт произошло нечто серьезное, некое происшествие, из-за которого они потеряли почти все свое имущество. Не было никаких слухов, кроме того, что они провели сокращение сотрудников. – Кейн заметил, как напряглось лицо Мейсона, и пожал плечами. – Поэтому я следил за этим. Никто не в курсе, за исключением нескольких старых друзей.

Мейсон повел плечом: в деловом костюме ему было некомфортно. Обычно они носили фланелевые рубашки и плотные джинсы, другую одежду – редко, но, учитывая то, что они стали наследниками гигантского состояния, им придется привыкать к деловому стилю.

Кейн покачал головой:

– Я не знаю. Но у меня есть ощущение, что все будет не совсем так, как ты хочешь.

Мейсон вспомнил, какое благоговение он испытывал от поместья Хайятт, когда был восемнадцатилетним юнцом. Мать Эвы-Мари, обладавшая безупречным вкусом и чувством стиля, не жалела средств на обустройство дома и владений. О богатстве свидетельствовала каждая мелочь, каждая деталь убранства. Этот дом был ее жизнью.

Не то чтобы Мейсон часто бывал там. Официально он был внутри только один раз. Ему поручили принести из дома кое-какие бумаги Долтона Хайятта. Мать Эвы-Мари шла следом, тревожась, чтобы он не испачкал конским навозом ее старинные ковры. Как будто он был так неотесан, что не знал, что на пороге нужно вытирать ноги. Когда он вошел в этот дом во второй раз, родителей Эвы-Мари дома не было.

– Возможно, ты прав, – согласился Мейсон, пытаясь прогнать воспоминания. – Но поверь мне, они меня вспомнят и пожалеют о том, что сделали. Я помню все слишком хорошо.

Он собирался воспользоваться своими знаниями как преимуществом.

Эва-Мари понятия не имела, кто был за рулем подъехавшего к дому роскошного седана, за которым следовал новенький пикап. Но когда она выглянула из окна спальни на втором этаже, то про себя от души пожелала им вернуться туда, откуда они приехали.

Она была взмыленной, в поношенной, запылившейся одежде, так как занималась укладкой изоляционного материала внутри старой гардеробной между ее комнатой и соседней. Плюс к этому, головная боль пульсировала внутри ее черепа, как отбойный молоток. И, увы, она была единственной, кто мог открыть дверь.

Тем не менее, глядя на свою работу, она удовлетворенно улыбнулась. Эва-Мари знала: ее старания не пропадут даром. Но сейчас не время долго восхищаться собой. Она торопилась, чтобы перехватить посетителей до того, как они войдут в дом. Для этого сбежала вниз по задней лестнице, расположенной вдали от комнат родителей. Они тоже были заинтересованными лицами, но она наверняка знала, что они не выйдут.

Грустно наблюдать, как ее когда-то общительные родители сейчас не покидают дом. Их затворничество и затруднительное финансовое положение возлагали на Эву-Мари определенную ответственность, это было сложно и... слишком болезненно.

Она добежала до дверей, как только машины припарковались. Внезапно ее охватило волнение, и она попыталась привести в порядок свои волосы. Ситуация с ее родителями сказалась и на ней: необходимость заботиться о каждой мелочи их быта превратила и ее в отшельницу.

К удивлению Эвы-Мари, из первой машины вышел Клайв – управляющий местным отделением банка, давний друг семьи. На нем был деловой костюм и безукоризненно-белая сорочка. Эва-Мари почувствовала себя неловко в

покрытой пылью футболке и в видавших виды штанах. Ее внимание привлек мужчина, вышедший из пикапа.

По какой-то причине он казался ей знакомым. Было что-то смутно знакомое в дерзком развороте плеч, уверенной походке. Когда он подошел ближе, догадка ударила ее, словно молния.

Она не видела Мейсона Харрингтона почти пятнадцать лет. Но думала о нем каждый день. Хотя и не позволяла своему любопытству перерасти в нечто большее – не пыталась найти информацию о нем в соцсетях или расспрашивать немногочисленных общих знакомых. В конце концов, ей представлялось, что она была последним человеком, с кем Мейсон захотел бы связаться.

Издавека она отметила, что он стал выше, раздался в плечах, но практически не утратил юношеской гибкости и плавности движений. Черты его лица, которые она находила столь привлекательными, не изменились, разве что стали более мужественными и брутальными. Изменилась лишь прическа: теперь его темно-русые волосы были коротко подстрижены по бокам, основная часть волос, достаточно длинных и слегка волнистых, была зачесана назад. Эва-Мари узнала четкую линию его квадратного подбородка и мягкое полукружие полной нижней губы; узнала его руки – сильные, огрубевшие от работы, с необычайно длинными, на удивление изящными пальцами. Прикосновения этих рук она не могла забыть до сих пор.

Пронзительный взгляд его голубых глаз из-под полей черной ковбойской шляпы подтвердил, что перед ней тот самый мальчик, которого она обидела.

Но теперь он стал настоящим мужчиной.

Мейсон Харрингтон не был желанным гостем в ее доме... и для ее отца тоже. Выйдя вперед, несмотря на то что внутри у нее все сжалось, она проигнорировала возмутителя ее спокойствия и сосредоточила внимание на управляющем.

– Добрый день, Клайв, – сказала она, – чем я могу вам помочь?

– Эва-Мари, боюсь, у меня плохие новости...

Она взглянула на Мейсона, чтобы понять, знает ли он, что происходит, и тут же отвела глаза. Это было глупо. Конечно, он знал, иначе его не было бы здесь.

– Я думала, мы все уладили в прошлом месяце.

О боже. Пожалуйста, пусть это будет не то, чего она больше всего боится.

– К сожалению, в головном офисе все отменили. Как я предупреждал, решение о продаже утверждают наверху.

На мгновение у нее перехватило дыхание, но она заставила себя продолжить разговор:

– Но я думала, твой авторитет достаточно высок, и к твоему мнению прислушиваются.

– Мне жаль, дорогая. Видимо, я был недостаточно убедителен. Я собирался позвонить сегодня, но все зашло, – он взглянул на своего спутника, – в тупик.

Эва-Мари обхватила себя руками. Ее сердце гулко забилось в груди. К горлу подкатила тошнота. За последние пять лет она в одиночку справлялась со множеством проблем, но сейчас ей была необходима поддержка.

– Что это значит?

Мейсон шагнул вперед.

– Это значит, что я новый владелец поместья Хайятт.

Его слова прозвучали как приговор.

Этот мужчина заявил, что забирает то, что для нее составляет целый мир. Она даже не могла посмотреть ему в глаза.

Обернувшись к Клайву, Эва-Мари попыталась, чтобы ее слова не прозвучали умоляюще:

– Мне просто нужно немного больше времени.

– Слишком поздно.

Резкие слова Мейсона заставили ее съежиться, но она снова обратилась к Клайву.

– Но у моей кобылы вот-вот родится жеребенок... – произнесла она, затаив дыхание.

Клайв шагнул вперед, закрывая ее от Мейсона, и положил ей руку на плечо.

– Увы, этого хватит лишь на несколько платежей, – сказал он низким и твердым голосом. – И проблема появится вновь. Ты сделала все, что могла, Эва-Мари, но мы оба знаем, что ты только оттягиваешь неизбежное. Пришло время. Время отступить.

Она покачала головой. Эти слова звенели у нее в ушах. Время отступить, признать свое поражение. Поражение Мейсону Харрингтону. Ее отец скорее умрет...

На мгновение она почти поддалась слезам, которые пытались вырваться наружу последние шесть месяцев. Эва-Мари взглянула на конюшню в отдалении, на раскидистые деревья, под которыми она сделала свои первые шаги. В озере неподалеку она купалась и ловила рыбу. Окружающие поместье холмы в детстве были ее игровой площадкой, местом, куда она удалялась, чтобы пережить обиду, когда стала старше. Ее душа наполнилась воспоминаниями о временах, когда здесь было много служащих, лошадей, гостей...

Этого никогда больше не будет. Хотя она пыталась все исправить.

Каждый раз, когда она думала, что делает успехи, очередная неудача отбрасывала ее назад. Но сейчас пришел конец всему.

Эва-Мари перевела взгляд на Мейсона, ее порастил его самодовольный вид. Очевидно, он тоже мог много вспомнить об этом месте. Одна ее часть страдала оттого, что он ненавидит ее настолько сильно, что отбирает ее дом в качестве

отмщения. Но другая – невыносимо хотела прикоснуться к нему, словно это могло ее утешить.

Она почувствовала себя такой одинокой.

– Итак, когда мы должны выехать? – пробормотала она, пытаясь быть практичной.

Мейсон обогнул управляющего и подошел ближе.

– Было бы здорово, если бы это произошло как можно скорее. Вы можете продолжить обсуждать детали с Клайвом, а я хотел бы осмотреть свою покупку.

Эва-Мари смотрела на жестокого, самодовольного человека, опять видя перед собой мальчика, которого она любила всем сердцем, юношу, которому она отдала свое тело, хоть и знала, что не сможет его удержать. И ей захотелось набраться смелости и ударить его по лицу.

Глава 2

Жестокое удовлетворение Мейсона от того, что он взял верх на Эвой-Мари и ее семьей, быстро превратилось в смятение, когда он вошел за ней в дом.

Пустота. Это слово первым пришло на ум, когда он огляделся вокруг. Казалось, великолепная картина лишилась всех своих деталей, кроме первоначальных широких мазков на холсте. Осталась только базовая структура – могучие стены, потолок с изысканной лепниной по карнизу, паркетный пол. Посеребренная мебель, обитая шелком, витражные двери с хрустальными ручками, массивный мраморный камин с чугунной решеткой тонкой работы оставались на своих местах. Исчезли декоративные китайские вазы и фарфоровые статуэтки, исчезли старинные пейзажи и зеркала в золоченых рамах. Голые полки и стены зияли пустотой, наполняя пространство грустью.

Они вошли в дом через боковую дверь, ту самую, через которую Мейсон проник в этот дом пятнадцать лет назад. По длинному коридору они прошли мимо

столовой и большой гостиной, где устраивали приемы, миновали пару пустых комнат, а затем вошли в малую гостиную, окна которой выходили во двор. По всей видимости, в этой уютной комнате с мраморным камином и восточными коврами принимали только самых близких гостей.

При ближайшем рассмотрении Мейсон отметил, что роскошная дамастовая обивка на некогда новой мебели поизносилась, краска на углах кресел и стульев стерлась. Но больше всего впечатлили цветы. Не те в саду за французскими окнами, а те, что стояли в вазе на столе у дивана.

Он живо помнил множество цветов в замысловатых вазах, которые произвели на него впечатление своими красками и великолепием в его первый визит. Роскошные букеты были расставлены в большой и малой гостиных, в просторной столовой и во всех комнатах, в которые ему довелось заглянуть. Сегодня он заметил лишь один букет, да и тот красовался не в драгоценной вазе, а в простой стеклянной емкости. Сами цветы выглядели так, будто их сорвали в диком саду. Красивые, но было видно, что они выращены не в оранжерее и их не коснулась рука флориста.

Он как будто спустился с небес на землю.

В паре, сидящей у камина, Мейсон без труда узнал родителей Эвы-Мари, хотя они и постарели. Миссис Хайятт была одета как для приема гостей – впрочем, Мейсон и не ожидал ничего иного. Шелковая блузка, аккуратно уложенные волосы, жемчужное кольцо – все свидетельствовало о том, что эта женщина не вполне осознает реальное положение вещей.

– Что происходит? – спросил Долтон, и его раздражающе громкий голос напомнил Мейсону о трудовых буднях в конюшнях Хайяттов. – Клайв, почему ты здесь?

Управляющий поздоровался с супругами и отступил назад, чтобы позволить Эве-Мари приблизиться. Мейсон с удовлетворением подумал, что сейчас он будет свидетелем падения великих и могучих Хайяттов. Тех самых, что разрушили его семью.

– Мама, папа, – начала Эва-Мари тихо, но Мейсон уловил дрожь в ее голосе. – Банк продал поместье.

Горестный вздох миссис Хайятт перекрыли проклятия Долтона.

– Как это возможно? – требовательно спросил он. – Клайв, объясни!

– Папа, ты знаешь, как это произошло...

– Бред. Клайв...

– Это решение головного офиса, мистер Хайятт. Я ничего не мог поделать.

– Конечно, мог. Какой смысл иметь личного банкира, если он не может ничего сделать?

– Папочка. – Эве-Мари, по крайней мере, хватило духу на неодобрительное замечание. – Клайв делал все возможное, чтобы помогать нам все эти годы. Мы должны принять неизбежное.

– Бред. Я никуда не поеду! – воскликнул Долтон в раздражении и с силой стукнул тростью по деревянному полу. – Кроме того, кто мог купить такое дорогое поместье так быстро?

Клайв повернулся боком, давая Долтону возможность увидеть Мейсона.

– Это Мейсон Харрингтон из Теннесси. Он и его брат начали процедуру покупки сегодня утром.

– Теннесси? – Долтон прищурился и посмотрел на Мейсона. Пульс Мейсона заметно ускорился. – Зачем кому-то из Теннесси нужно имущество в Кентукки?

Чувствуя прилив адреналина, Мейсон сделал несколько шагов в центр комнаты и произнес уверенно и несколько развязно:

– Я занимаюсь разведением скаковых лошадей, а поместье Хайятт, на мой взгляд, идеально подходит для этой цели.

Удивление на лице Долтона сменилось приступом ярости. Мейсон ощутил удовлетворение.

– Я знаю тебя, – зарычал Долтон, наклонившись вперед в своем кресле, не обращая внимания на сдерживающую руку жены на своем запястье. – Ты тот самый никуда не годный конюх, который положил глаз на мою дочь.

«Больше, чем глаз. Но я должен держать эту мысль при себе. Видишь, Кейн, я хорошо себя контролирую».

– На самом деле я кое на что годен. И это кое-что стоит несколько миллионов. – Мейсон сделал паузу, чтобы старик мог осознать его слова, а затем добавил: – И я уже не просто конюх.

Долтон устремил проницательный взгляд на дочь, которая отступила, словно хотела спрятаться.

– Я говорил, что не позволю какому-то грязному Харрингтону оказаться ни в одной из моих кроватей. Этому не бывать.

– Мне не нужны ваши кровати, – заверил Мейсон. – Я куплю новые, дорогие и красивые. И поставлю их в комнаты, которые с этого дня принадлежат мне.

– Ты не получишь от меня ничего! – зарычал Долтон.

На этот раз Мейсон повторил его тон в тон:

– Вы уверены?

Глаза Долтона округлились, когда он осознал, что этот Харрингтон – не ребенок, который будет покорно сносить оскорбления.

– Такой, как ты, никогда не справится с этими конюшнями, – проревел он. – Ты обанкротишься через год!

– Может быть. А может, и нет. Но это решать мне, – губы Мейсона искривила самодовольная улыбка, – не вам.

По наливающемуся кровью лицу Долтона Мейсон понял, что ему удалось его задеть. С невероятной силой старик сжал подлокотник кресла и начал медленно подниматься.

– Долтон, – предупредительно прошептала миссис Хайятт.

Но старик был слишком возмущен, чтобы прислушаться к ней, если он вообще ее слышал. Мейсон почувствовал, как его ликование по случаю победы над монстром исчезает, когда Долтон сделал шаг вперед... а потом рухнул на пол.

Кто-то закричал, возможно, мать Эвы-Мари. Все бросились вперед, кроме Мейсона, застывшего в растерянности.

С помощью Клайва женщины подняли Долтона и помогли ему сесть.

Стоя на коленях рядом с отцом, в пыльной футболке и поношенных штанах, с волосами, собранными в пучок, Эва-Мари все равно была похожа на принцессу. Неожиданно она подняла глаза и посмотрела на Мейсона.

– Вы не могли бы оставить нас на какое-то время? Пожалуйста, – сказала она тихо, не сомневаясь, что он сделает так, как она просит.

Он никогда не был в состоянии сопротивляться ее темно-синим глазам, полным невысказанных слов.

Мейсон вернулся в холл и не мог отделаться от впечатления, что брат оказался прав. Не так он это представлял... Совсем не так.

Не было никаких сомнений в том, как он относится к ней после всех этих лет. Впрочем, ее должно утешить, что он не совсем забыл ее.

У Эвы-Мари было ощущение, что Мейсон доставит ей немало хлопот в самое ближайшее время. Однако конфликтовать с ним она не желала, а потому постаралась наладить... дипломатические отношения.

– Поздравляю, Мейсон, – произнесла она, неспешно подходя ближе и стараясь не обращать внимания на его ставшие такими широкими плечи.

Он отвлекся от осмотра столовой и повернулся к ней лицом, высокомерно приподняв бровь:

– С чем?

– Очевидно, в твоей жизни все хорошо, если ты в состоянии себе позволить...

– Не позволять помыкать собой людям просто потому, что у них больше денег?

Она замерла. Его слова все прояснили – вот как Мейсон воспринимал свою юность и их расставание.

Он дал ей понять еще кое-что: он собирался получить удовольствие от данной ситуации.

– Итак, что я могу сделать для тебя? – спросила она, хотя и предполагала, что он не собирался облегчить ее участь.

– Я говорил, что хотел бы осмотреться. – Он махнул рукой в сторону лестницы. – Показывай дорогу.

Эве-Мари не удалось получить передышку. Она почти физически ощущала его взгляд, когда показывала ему комнаты на втором этаже.

Осматривая дом, Мейсон не смог удержаться от критики:

– Не могу сказать, что мне понравилось то, во что превратился дом. Это какая-то новая версия минимализма?

Эва-Мари не стала возражать, так как в этом она была с ним согласна. Плачевное состояние семейных финансов нарушало ее эмоциональное равновесие каждый день. Однако слышать об этом от постороннего человека было неприятно.

Признаться, что она распродала все, кроме семейных драгоценностей ее матери, чтобы продержаться на плаву? Его это лишь позабавит, даст еще один повод для насмешек. Эва-Мари не стала развивать эту тему, вместо этого она рассказала об узоре паркетного пола, привезенной издалека кафельной плитке и прочих элементах декора, на которые отец не жалел денег. Осознавать, что совсем скоро им придется покинуть родные стены, было горько, но, рассказывая об убранстве, она все еще чувствовала себя хозяйкой дома.

– Ты заключил очень хорошую сделку, – сказала она, пытаясь не давать воли эмоциям.

– Великолепную сделку, – признал он.

Они стояли в верхней части дома, у больших арочных окон, обращенных к конюшням и небольшому озеру в отдалении.

Мейсон изучал пейзаж.

– Садовник остался прежний?

– Его пришлось уволить, – пробормотала она. – В данный момент в поместье нет садовника.

– Это многое объясняет, – ответил он.

Пораженная его нарочитой бестактностью, Эва-Мари замкнулась еще больше. Хотя нечему было удивляться, он просто не мог обойти это вниманием. С первых его слов она ждала приговора.

– Мы с братом хотели бы предложить работу персоналу усадьбы, – сказал Мейсон. – Им нет необходимости увольняться из-за того, что поменялся собственник. – Он отступил назад, изучая усадебные постройки и окрестности с высокой точки. – И нам, очевидно, придется нанять работников, что бы привести хозяйство в порядок.

Эва-Мари с удивлением взглянула на Мейсона.

– Очень благородно с вашей стороны, – произнесла она, с трудом сдерживая эмоции. – Сейчас у нас только один сотрудник, Джим, он работает в конюшне.

Мейсон уставился на нее, широко раскрыв глаза:

– А остальные?

– Остальным занимаюсь я, – произнесла Эва-Мари еле слышно.

– Готовка? Уборка?

Эва-Мари устало смотрела на него, ей было не просто отвечать на эти вопросы.

– Да, кто-то определенно стал взрослым. Я помню, как ты ждала этого...

Неожиданно для себя она покраснела.

– Спасибо, хотя это сомнительный комплимент. – Эва-Мари отвернулась. Дыхание у нее перехватило от гнева. Чтобы справиться с вышедшими из-под контроля эмоциями, она решила продолжить показ дома. – Кроме гостиной, на этом этаже расположены спальни и ванные комнаты, – произнесла она, проходя по коридору, ведущему к спальням.

– Ваши родители занимают большую спальню? – спросил он спокойно и деловито.

– Нет. Отец уже не может одолеть лестницу. Есть еще комнаты за кухней. Там они спят.

Изначально эти комнаты предназначались для слуг, но она умолчала об этом.

– Давай посмотрим большую спальню.

Эва-Мари нехотя кивнула и повернула налево.

– Твой отец болен? – спросил Мейсон, впервые заговорив мягко, но это вызвало ее недоверие.

– Рассеянный склероз, хотя он предпочитает не говорить об этом, – сказала она, пытаясь держаться как ни в чем не бывало. Нет смысла выставлять напоказ горе и разочарование, связанные с необходимостью быть сиделкой для больного родителя. – Мы старались с этим справиться, но за последние два года он постепенно теряет подвижность и очень ослаб.

Ее мать тоже заметно сдала. На ее состояние повлияло отсутствие общественной активности, увеселений и статуса, составлявших большую часть ее жизни.

Великолепие большой спальни в очередной раз поразило Эву-Мари, когда она открыла двойные двери. На самом деле это были две комнаты, объединенные в одну. Стены спальни были отделаны резными, от пола до потолка, белыми деревянными панелями с серебристым отливом – акцент, который прослеживался в дизайне всего дома. Благодаря большим арочным окнам, зеркалам в простенках и хрустальным люстрам в комнате было много света и воздуха. Просторная, словно бальная зала, спальня производила неизгладимое впечатление. Даже будучи пустой, как сейчас.

Она вошла внутрь, а Мейсон задержался в коридоре. Стук шагов по деревянному полу возвещал о его приближении.

– К спальне примыкают гардеробные для него и для нее, также имеются ванные комнаты с обеих сторон, – объяснила она. – Но они давно не ремонтировались.

– Уверен, мы позаботимся об этом, – сказал он, обойдя спальню и остановившись в ее центре.

Вдоль одной из стен расположился камин, и Эва-Мари вспомнила, как они с матерью зимними снежными днями сидели на родительской постели и пили горячий шоколад.

Она думала о ванне из слоновой кости, в которой купалась, когда была маленькой. Это было не самое последнее и лучшее ее воспоминание, но оно составляло часть ее счастливой жизни.

Теперь у Мейсона будут свои воспоминания, связанные с ее домом, – с горечью подумала она и в еще более расстроенных чувствах вышла из комнаты.

– А твоя комната? – спросил Мейсон, подошедший к ней слишком близко.

– Дальше... по коридору.

Она затаила дыхание, ожидая, что он будет настаивать на посещении ее комнаты. Следующей была комната Криса. Она не была уверена, что долго сможет держать себя в руках.

В попытке отвлечься она направилась дальше.

– Третий этаж пустует уже несколько лет. Там две ванны. В двух комнатах есть камины. На этом же этаже библиотека.

К ее удивлению, Мейсон не высказал желания заходить в ее спальню и подниматься на третий этаж.

Когда они спускались по лестнице, он не оборачивался до тех пор, пока не дошел до бокового входа, и его рука не обхватила хрустальную дверную ручку.

– Если возникнут проблемы, я попрошу моего адвоката связаться с вами.

– Конечно, – кивнула она.

– Было приятно увидеть тебя снова.

Хитрая ухмылка на его лице объясняла, почему приятно, – потому, что он достиг своей цели.

Хотела бы и она сказать то же самое.

– Дата подписания назначена. Поместье практически наше. – Мейсон усмехнулся, глядя на брата, затем повернулся к адвокату и протянул ему руку для рукопожатия: – Вы были великолепны. Мы действительно ценим это.

Джеймс Кови хмыкнул:

– Я получил удовольствие от сделки. Рад был помочь вам в этом деле.

Кейн пожал ему руку и улыбнулся в ответ, однако, когда адвокат, попрощавшись с братьями, спустился с крыльца и скрылся за углом здания, улыбка на его лице померкла.

Мейсон знал, о чем он подумал. Они оба хотели, чтобы отец был свидетелем их успеха. Мейсон положил руку на плечо Кейна, и они переглянулись.

Это будет нелегко, но в знак памяти об отце у них будут лучшие конюшни, и они достигнут желаемого, используя то, чему он их научил.

Это было то, о чем он мечтал.

Кейн уезжал на полторы недели, чтобы обучить нового управляющего ранчо в Теннесси, которого они наняли для своих конюшен. Они не бросали свое прежнее место жительства, но оно перестало быть их главной резиденцией. Мейсон с нетерпением ожидал дня, когда сможет приступить к делам в поместье Хайятт на правах хозяина. Он подозревал, что ему понравилось бы тыкать своим новообретенным успехом в лицо Долтона Хайятта, но в глубине души считал это недостойным.

– Я даже не знаю, что там происходит, – сказал он. – Когда я осматривал конюшни, там никого не было, кроме парня, с которым мы разговаривали, кажется, его зовут Джим. С тех пор я не видел никого из Хайяттов... и Эвы-Мари... в городе.

– Так посмотри на нее сейчас.

Мейсон взглянул в том же направлении, что и брат, и сразу увидел Эву-Мари, направлявшуюся в их сторону по широкому тротуару. Элегантное платье и туфли на каблуках сильно отличались от той одежды, в которой он видел ее в прошлый раз. Она была прекрасна. Как и всегда. Однако в устремленном на него взгляде читалась неприязнь. Несомненно, она была ожесточена против него.

Вроде бы он не сделал ничего плохого? Хотя нет, сделал...

Эва-Мари остановилась у подножия лестницы у входа в офис братьев Харрингтон. Мейсон, глядя на нее сверху вниз, любовался отблесками солнца на ее темных волосах, спадающих на плечи.

– Мне сказали, где я могу тебя найти.

– Хм, и зачем я тебе понадобился? – спросил Мейсон нарочито развязно, пытаясь таким образом справиться с неожиданным волнением, нахлынувшим на него при звуке ее низкого, грудного, необычайно женственного голоса.

Кейн, заметив реакцию брата, насмешливо подмигнул ему.

Эву-Мари явно не испугала неприветливость Мейсона. Она протянула руку его брату:

– Вы, должно быть, Кейн?

Его предатель-брат пошел вниз по лестнице, чтобы пожать ей руку, затем взглянул на Мейсона через плечо:

– Мне пора. Увидимся вечером.

Какая подстава! Хотя Мейсон знал, что Кейн не убежал; брат просто оставил его в неловкой ситуации, которую он сам и создал. Шансы встретить Эву-Мари здесь были минимальные, хотя в этом городе было много хозяев конюшен.

Удостоверившись, что Кейн скрылся из вида, она обратилась к Мейсону:

– Могу я поговорить с тобой, пожалуйста? Рядом есть кафе.

Интуиция подсказала ему, что его собираются о чем-то просить, о какой-то услуге или об одолжении. Хайятты этого не заслужили. Долтон не проявил никакого милосердия, когда уволил отца Мейсона и внес в черный список, из-за чего того не брали на работу в другие конюшни этого штата. Его не заботило, что отец был единственным кормильцем двоих детей. Он хотел отомстить Мейсону за то, что тот посмел коснуться его дочери.

Мейсону не помешало бы это помнить, вне зависимости от того, насколько привлекательно выглядит взрослая Эва-Мари.

Кафе, расположенное в паре кварталов от офиса, имело литературную направленность и, судя по количеству посетителей, пользовалось популярностью. Вдоль стен кафе были выстроены книжные полки, на них были расставлены старые книги вперемешку с чайниками и кружками. Вокруг крепко сбитых деревянных столов стояли обтянутые кожей стулья с высокими спинками.

Мейсон взглянул на Эву-Мари и увидел, что она немного тревожно оглядывает толпу посетителей. С нескрываемой досадой он догадался, в чем дело. Оказывается, ничего не изменилось – она до сих пор стыдится показываться с ним на публике.

Пытаясь отогнать от себя обиды пятнадцатилетней давности, Мейсон небрежно бросил, направляясь к барной стойке:

– Займи столик. Я закажу кофе.

– О. – Эва-Мари взглянула в его сторону с робкой улыбкой. – Можно мне горячий яблочный сидр, пожалуйста?

Видимо, еще не время для кофе.

В ожидании заказа Мейсон облокотился на барную стойку и, глядя на свою спутницу, снова подумал, как все это странно. У них были странные, нетипичные отношения, но он точно знал, что Эва-Мари – единственная женщина, с которой у него было нечто большее, чем просто секс. Она была его первой... любовью. И

наверняка последней.

Спустя несколько минут Мейсон поставил чашки с сидром на стол и сел напротив Эвы-Мари.

Она придвинула горячий напиток к себе и принялась крутить чашку на блюдце, как будто не могла решить, хочет пить или нет.

Мейсон молча ждал. Не он просил об этой встрече, а она.

– Я нашла место для родителей, – наконец произнесла Эва-Мари. – Они переедут завтра.

– Хорошо. Что-то не так?

Его вопрос заставил ее нервничать сильнее. Она принялась поглаживать пальцем наружную поверхность чашки.

– Нет, – сказала Эва-Мари, затем сделала большой глоток. Напиток был горячий, и она поморщилась. – Я в порядке. Просто я не думала, что здесь будет столько людей в это время.

– Все еще стыдишься меня? – спросил он.

Удивительно, почему, черт возьми, он это произнес.

Должно быть, ее озадачил вопрос, потому что ее глаза расширились.

– Нет. Вовсе нет.

Она не убедила его. Слишком много плохих воспоминаний, чтобы он поверил.

Эва-Мари сделала глубокий вдох и продолжила:

– Дело в том, что они решили переехать в дом престарелых. Там неплохие условия, родители будут жить вместе, мама сможет ухаживать за отцом. Но

стоимость оказалась выше, чем я ожидала. Нельзя ли попросить некоторой отсрочки на выселение?

– Не-а.

Разочарование промелькнуло на ее лице, прежде чем оно вновь стало спокойным.

– Мейсон, у меня нет денег, чтобы оплатить первый и последний месяц проживания в пансионе, и мне нечем заплатить за перевозку вещей.

– У тебя нет друзей? Достаточно угостить их пиццей, и они помогут сделать это на своих пикапах. Так поступают нормальные люди. Ах да, твоя семья не общается с нормальными людьми, у вас только светские знакомства.

– Честно говоря, два последних года я ухаживала за отцом, – произнесла Эва-Мари с натянутой улыбкой. – У меня нет близких друзей. И хотя я не так уж беспомощна, вряд ли я самостоятельно могу сдвинуть диван или кровать. Мне просто нужно...

Мейсон собрался прервать ее жалобы, но тут рядом с Эвой-Мари остановилась женщина.

– О, Эва-Мари, ты просто обязана познакомить меня со своим красивым другом!

– Обязана?

Недовольный ответ Эвы-Мари заставил его улыбнуться и протянуть руку улыбающейся блондинке:

– Мейсон Харрингтон.

– Лайза Янг, – сказала она, всплеснув своими ухоженными ручками. – Я о вас не слышала.

Мейсона обычно не привлекали навязчивые женщины, он предпочитал более естественных, не таких, как Лайза, но ему хотелось поддразнить Эву-Мари.

Кроме того, ему с братом необходимо было обзавестись знакомствами в этом городе. Дизайнерская одежда, дорогие украшения и уверенная манера поведения Лайзы говорили о наличии денег и высоком положении в обществе.

– Я здесь новенький. – Он взглянул через стол, чтобы увидеть лицо Эвы-Мари. – Или, точнее, возвратился после долгого отсутствия.

– О? И что вас сюда привело? – До сих пор она игнорировала его спутницу, но сейчас бросила на нее взгляд. – Ну уж точно не домоседка Эва-Мари!

Шутка Лайзы не показалась Мейсону смешной, однако он не перестал улыбаться. Отпуская шпильки в адрес Эвы-Мари, он считал это приемлемым, так как у него были на это веские причины, но комментарии этой женщины звучали неуместно.

– В этом городе давние традиции по разведению скаковых лошадей, – пояснил он. – Мы с братом владельцы конюшен.

– Ах, вас двое?

Ничего нового, опять флирт. Мейсону стало скучно.

– Приятно было познакомиться с вами, но прошу меня извинить, у нас деловая встреча. – Он вытащил визитную карточку из внутреннего кармана куртки и протянул женщине. – Приятно познакомиться, Лайза, надеюсь, скоро увидимся.

Лайза улыбнулась, потом полезла в клатч за ручкой, написала что-то на карточке и отдала ее Мейсону.

– Я тоже, – сказала она, затем продефилировала обратно к столу, где ее ждали подруги.

Эва-Мари повернулась, чтобы посмотреть ей вслед, затем застонала от досады, увидев, что подруги Лайзы смотрят на них, вытянув шеи, и даже не пытаются скрыть любопытства.

– Ну, я надеюсь, ты готов объявить о своем присутствии, потому что весь город узнает об этом в течение двух часов.

– Хороший план, – пробормотал Мейсон.

На карточке был написан номер мобильного Лайзы. Мейсон усмехнулся и демонстративно сунул визитку обратно в карман. Он знал, что это заденет Эву-Мари.

– Так о чем мы говорили?

На лицо Эвы-Мари вновь набежала мрачная тень. Она глубоко вздохнула и приготовилась вновь просить об отсрочке.

Мейсону стало стыдно. Внезапно он осознал, что все это время вел себя как придурок.

– Посмотрим, что можно сделать, – произнес он, опередив ее.

Это был расплывчатый ответ, так как ему нужно было время подумать. Несколько дней беспокойства не причинят ей вреда.

* * *

Проклятье!

Почему Мейсон Харрингтон каждый раз появляется именно в тот момент, когда она выглядит не лучшим образом? Она как сумасшедшая отчаянно пытается успеть за пять дней упаковать все вещи для отъезда, а он прерывает ее громким, настойчивым стуком.

Она смогла изобразить на лице лишь напряженную улыбку. В конце концов, она очень устала.

– Мейсон, что тебе нужно?

Его безмятежная улыбка была слишком манящей.

– Не очень-то гостеприимно.

Вместо того чтобы сказать, что она на самом деле думает, она просто сосредоточилась на том, чтобы продолжать улыбаться. Но с места не сдвинулась.

Это еще не его дом.

– Ну же, Эва-Мари. Позволь мне войти, – добавил он, улыбнувшись ей игриво-умоляюще. – У меня для тебя хорошее предложение.

Она заколебалась, затем отступила назад, так как держать его на пороге было дурным тоном. Это была единственная причина. Не то чтобы она заботилась о приличиях, но родительское воспитание давало о себе знать.

Мейсон окинул оценивающим взглядом холл с высокими потолками и изящной хрустальной люстрой и отправился вслед за Эвой-Мари, заглядывая по пути во все комнаты.

– Ты делаешь успехи. – Его голос эхом разнесся по опустевшему дому.

«Потому что я усердно трудилась», – сказала про себя Эва-Мари, предпочитая держать язык за зубами. Поместье было большим, за день приходилось преодолеть не менее восьми миль по дому и угодьям, чтобы успеть собрать и упаковать все, что можно вывезти. К тому же ей приходилось в одиночку перетаскивать и упаковывать дорогие сердцу вещи. Подъем тяжестей не преминул отразиться на ее состоянии. Натруженные руки, ноги и особенно спина болели не переставая. Перед сном Эва-Мари принимала ванну в родительской спальне, чтобы расслабить мышцы, но это слабо помогало от ноющей боли во всем теле.

Мейсон посмотрел в сторону коридора, ведущего к задней части дома.

– Твой отец здесь?

Она покачала головой:

– Почему ты спрашиваешь? Боишься, что он опять раскричится?

– Не-а.

Снова эта милая улыбочка, вызывающее подозрение. Почему он так мил?

– Просто ему вредно волноваться.

По какой-то причине она чувствовала потребность защитить отца, хотя на этот раз Мейсон был прав.

– Он вряд ли снова повысит голос. По крайней мере, так, как раньше, он не шумит. У отца был сердечный приступ шесть лет назад, и после этого ему пришлось научиться контролировать гнев.

В глазах Мейсона не было и тени сочувствия, это разозлило ее еще больше. К счастью, она привыкла загонять все свои эмоции глубоко внутрь.

– На самом деле я отвезла их в дом престарелых еще вчера. – Поднятая бровь Мейсона подтолкнула ее к дальнейшим объяснениям. – Я решилась на это, так как знаю, что там о них позаботятся. Хотя мне кажется, это должна делать я...

– Ты работаешь? – спросил Мейсон.

Изменение темы было слишком резким.

– Что?

– Работа у тебя есть?

Тон Мейсона подразумевал, что она даже не знала, что это такое. Эва-Мари, конечно, не собиралась рассказывать ему о своей новой карьере. Он, вероятно, решил бы, что она сумасшедшая или заносчивая, и не поверил бы, что она может зарабатывать своим уникальным голосом.

– Моей работой была забота о родителях, – ответила Эва-Мари.

Поиски работы в родном городе означали бы разоблачение финансовой несостоятельности родителей перед всем миром. Она решила не идти против их желаний.

Мейсон отвернулся и принялся осматривать комнату.

– У нас с братом большие планы на это поместье. Я бы даже сказал – грандиозные. – Он подошел к окну и устремил взгляд на конюшню. – Чтобы стать успешным коннозаводчиком, недостаточно быть знатоком лошадей. Нужно разбираться в финансах, в управлении персоналом, иметь коммерческую жилку и нечто сверх всего этого – талант и, пожалуй, везение. – Мейсон отвел взгляд от окна и посмотрел на Эву-Мари. – Всего этого нам с братом не занимать.

Она смутилась и отвела глаза.

Оказывается, Мейсон приобрел поместье не только из чувства мести. С таким настроением его, несомненно, ждет успех.

– Какое это имеет отношение ко мне?

Он склонил голову набок, прядь темно-русых волос упала ему на лоб.

– Ты ведь прожила здесь всю свою жизнь?

Эва-Мари кивнула, боясь заговорить. Она чувствовала себя как дикое животное, попавшее в ловушку.

– Уверен, ты знаешь это место лучше, чем кто-либо.

– Дом и поместье, – сказала она, чувствуя боль от щемящей грусти, которую она заставила себя игнорировать.

– Ты могла бы пойти ко мне работать. Помочь с ремонтом. С подготовкой к открытию. Я даже дам тебе больше времени, чтобы все перевезти. Ты же об этом меня просила?

Ее сердце сильно заколотилось, и она пристально посмотрела на него.

Почему?

Мечь? Все в ней кричало, что нужно бежать. Какая еще может быть причина его предложения?

– Мне нужна домоправительница. Я предполагаю, что тебе нужна работа, – сказал Мейсон. – Понимаю, тебе требуется время все это обдумать, – добавил он.

Работать бок о бок с ним каждый день? Видеть его в доме и постоянно скрывать свои чувства из опасения, что он использует их как оружие против нее? Последних встреч с ним было более чем достаточно. Нет, спасибо.

Она покачала головой:

– Я не думаю, что это хорошая идея.

– Нет? – Мейсон шагнул ближе. – Кажется, ты собиралась жить самостоятельно, зарабатывать деньги... Так в чем дело? Боишься, что твои друзья узнают, что ты занимаешься грязной работой?

Это было наименьшей из ее забот. Ее родители боялись, она – нет.

Он придвинулся еще ближе, и Эва-Мари почувствовала пряный запах его одеколona, у нее перехватило дыхание. Почему он это делает?

– Я даю тебе работу и кров. Это лучше, чем любая другая альтернатива, разве не так? А взамен я получаю человека, который ускорит ремонт.

Глядя в его ярко-голубые глаза, она не была уверена, что нужно соглашаться. Должен быть какой-то подвох... Но она пока была не в состоянии его распознать.

Эва-Мари пригладила волосы, жалея, что нельзя так же легко сгладить чувство тревоги, и услышала, как Мейсон вошел через боковую дверь. Судя по звуку голосов, он был не один.

На этот раз она была готова.

Или она так думала. Сначала она увидела Кейна – такого же высокого, широкоплечего и мускулистого, как Мейсон. Старший брат был также хорош собой, но к нему Эва-Мари не испытывала влечения. В последние дни ее мысли занимал только Мейсон.

О если бы можно было прильнуть к его груди, ощутить силу его объятий. Как невероятно было бы испытать что-то подобное для разнообразия. Обнять его, почувствовать кожей, провести пальцами по плечам вниз и...

О нет. Нельзя давать волю таким мыслям. Особенно когда трое мужчин обратили свои взоры в ее сторону. Тот, который был посередине – не такой крупный, как братья, – казался смутно знакомым.

Кейн шагнул вперед, протянув крупную ладонь для рукопожатия. Его суровое лицо несколько смягчала приветливая улыбка.

– Здравствуй, Эва-Мари. Я Кейн.

– Помню, – пробормотала она, пожав ему руку.

Какой сюрприз. Никаких подковырок. Никаких ультиматумов. По крайней мере, хоть один брат был тактичным.

– Мейсон не сказал, когда ты переедешь.

– О, я не переезжаю прямо сейчас. До сих пор улаживаю дела в Теннесси, к тому же мы приобрели еще один дом, в городе. Так что я нарасхват. – Он обменялся взглядами с братом. – Но я вернусь довольно скоро.

Перспектива остаться здесь наедине с Мейсоном заставила ее сильно занервничать.

Вперед выдвинулся худощавый молодой человек.

– Я годами ждал шанса применить свою магию в этом доме! Здравствуй, Эва-Мари, – сказал он, протягивая руку. – Мы очень давно не виделись, поэтому я не надеюсь, что ты меня вспомнишь. Я Джереми Бланкеншип.

– О да. Мне показалось, что я тебя знаю. Приятно снова увидеть тебя.

Теперь, когда она узнала его, ее охватили воспоминания. Джереми был сыном одного из местных заводчиков лошадей, который не пожелал продолжить дело отца и получил диплом дизайнера интерьеров. Эве-Мари понравились его неординарный стиль и своеобразный выговор. В его способностях дизайнера ей еще только предстояло убедиться, но в том, что Джереми обладает харизмой, сомнений не было.

– Шутки в сторону, давайте займемся делом, – проворчал Мейсон.

– Научись обмениваться любезностями и поддерживать разговор, если планируешь наладить контакты в этом городе, – предупредил Кейн.

Джереми, соглашаясь, кивнул и повернулся к Эве-Мари. В его карих глазах застыл вопрос.

– Когда я услышал, что Харрингтоны купили имение, я не ожидал тебя здесь увидеть.

Прежде чем она ответила, в разговор вклинился Мейсон:

– Эва-Мари будет следить за домом и выполнять мои поручения.

Джереми взглянул на них с удивлением:

– О, так вы вместе?

– Нет. – Ответ Мейсона был короткий, но Эве-Мари показалось, что она услышала удовлетворение. – Когда я говорю, что она будет работать, я имею это в виду в буквальном смысле. На меня.

Эва-Мари почувствовала, как к лицу прилила кровь, и она спросила себя, скольким же людям он с удовольствием рассказал о ее новом статусе. Ей хотелось признать поражение, но она расправила плечи и продемонстрировала уверенность, хотя была далека от этого чувства. Если повезет, эта работа откроет ей дорогу к новой жизни. Конечно, вряд ли она сможет обеспечить себе тот уровень, который был у нее в детстве, но множество людей довольствуются и меньшим. По крайней мере, она будет на один шаг ближе к своей мечте.

Нет смысла обижаться на то, что она не может изменить. Этому ее научила жизнь. Нужно просто смириться с обстоятельствами.

– Джереми, хочешь осмотреться? – спросила она, предполагая, что тому не терпится заглянуть в другие комнаты дома.

– С радостью! В конце концов, нельзя заниматься дизайном интерьера, если не видел сам интерьер, верно? – Он одобрительно улыбнулся, затем взял ее руку в свою и повел по коридору.

Братья последовали за ними.

Большинство комнат нуждалось в обновлении стен, системы освещения и мебели. Сначала Эва-Мари немного стеснялась, но потом выдвинула несколько идей, получивших одобрение от всех, кроме Мейсона, который воздержался от ответа.

Она проводила мужчин в гостиную.

– Это отличное место для кожаного дивана и телевизора с большим экраном, – сказал Кейн, осмотрев комнату. – И кухня рядом. Идеальное пространство.

Братья принялись обсуждать марки и виды электронного оборудования, и Эва-Мари заскучала. Потом Кейн обогнул барную стойку и направился в кухню. Остальные последовали за ним. Эва-Мари старалась не смущаться. Эта комната

отчаянно нуждалась в ремонте, причем уже давно. Горчично-желтая бытовая техника и декор в стиле ранчо были родом из восьмидесятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veyd_deni/povelitel-nica-strasti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)